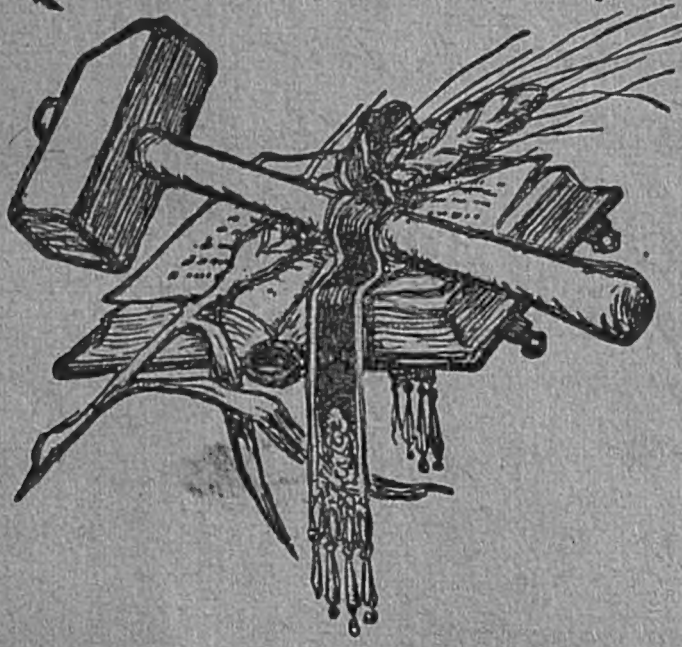
Z53 397

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

В. Быстрянский

ПРОЛЕТАРИАТ И НАУКА



424

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ● 1920

1/27225

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 27883 1966
753 — 397

Теория становится материальной силой, когда она овладевает массами.
Карл Маркс.

I.

Победивший в России пролетариат не довольствуется тем, что обращает в общественную собственность материальные богатства, созданные потом и кровью народных масс, но отнятые у них буржуазией,—рабочий класс превращает в общенародное достояние и духовный капитал классового общества, он ставит раз-навсегда крест и на монополии знания.

С того времени, как человечество стало производить излишки сверх того,

*

что было необходимо для существования производителей и как появились классы, наука, этот подытоженный коллективный опыт человечества, это величайшее орудие его господства над природой, всегда оставалась привилегией эксплоататоров, драгоценной привилегией, которая лучше всего обеспечивала им господство.

Условия существования пролетариата в капиталистическом обществе делали для него недоступным обладание знанием,—досуг оставался достоянием эксплоататорского класса.

Сами буржуа, правда, весьма мало интересовались наукой,—они предоставляли заботу об ее развитии оплачиваемым им слугам, выделившимся в особую касту, рьяно заботившуюся о том, чтобы выводы ее исследований не приходили в противоречие с основами существующего строя.

Недаром знаменитый германский естествоиспытатель Дюбуа Реймонд еще в 70 годах прошлого века назвал немецкую профессуру «духовной лейб-гвардией Гогенцоллернов».

Российский пролетариат, покончивший с хозяйственными монополиями капитализма, не может остановиться и перед монополией знания.

Он знает, что наука явится важнейшим орудием в его руках в борьбе с капитализмом и в деле строительства коммунизма...

Убитая немецкими шейдемановцами Роза Люксембург писала в 1899 г. в предисловии к своей книге «Реформа или революция»: «Вся сила современного рабочего движения покоится на теоретическом познании... До тех пор, пока теоретическое познание останется в партии привилегией горсти «академиков», ей постоянно будет

угрожать опасность сбиться с пути. Только тогда, когда широкие массы рабочего класса сами возьмут в руки надежное остро отточенное оружие научного социализма, исчезнут все мелкобуржуазные уклонения, все оппортунистские течения».

Более, чем когда-либо, справедливы эти слова, когда партия пролетариата становится правящей партией в государстве, когда пролетариат начинает переделывать общество по своему образу и подобию.

Теперь только могут осуществиться пророческие слова Лассаля, сказавшего в своей речи «Наука и работники»: «Только тогда, когда наука и работники—эти два противоположных общественных полюса—соединятся воедино, они раздавят в своих железных объятиях все препятствия, стоящие на пути культуры».

Конечно (заметим в скобках), под наукой Лассаль отнюдь не разумел непременно ее официальных представителей—профессоров.

В первый раз во всемирной истории общественным развитием выдвинут на ее авансцену революционный класс, который борется не только за кусок хлеба, за материальные блага, как это было в народных движениях прежних эпох,—а употребляет все усилия, чтобы сломить привилегию богатых на обладание наукой.

Пролетариат своей победой доказывает, как лгали те, кто утверждал, что цели его освободительной борьбы исчерпываются вопросами желудка.

Нет, не в меньшей мере, чем за хлеб, здоровье, благосостояние и досуг для всех, пролетариат борется за превращение культуры — и в первую голову науки—в достояние широких масс.

Рабочий класс ждет от того гигантского увеличения производительных сил, которое принесет человечеству его окончательная победа, в первую голову — приобретения досуга для умственного труда, для свободной деятельности человеческого духа.

«Величайшим и наиболее блестящим деянием социализма будет именно то, что он желает общим достоянием не только благосостояние, здоровье и отдых, но и наслаждение наукой»,— так заканчивал Каутский свою книгу «Размножение и развитие в природе и обществе».

В настоящую переходную эпоху к коммунизму, в период пролетарской диктатуры, уничтожение монополии знания имеет глубокое практическое значение для диктатуры пролетариата,—он должен овладеть наукой, чтобы выдвинуть из своей среды но-

вых организаторов производства на место тех саботажников из буржуазного стана, которыми он пользовался до сих пор,—в помощь тем социалистам, которые честно служат Советской власти.

«Философы лишь объясняли мир так или иначе; но дело заключается в том, чтобы изменить его»,—говорил Карл Маркс в 1845 году.

Могучим рычагом для изменения мира и явится в руках пролетариата наука.

Пролетариат должен овладеть наукой и для уяснения себе как пройденного им в борьбе против капитала пути, так и дальнейших своих задач.

«С тех пор, как социализм стал наукой, с ним нужно и обращаться как с наукой, т.-е. изучать его»,—пишет Энгельс в предисловии к своей

работе: «Крестьянские войны в Германии».

Для рабочего наука не является средством к достижению материальных благ, как для многих ее жрецов из буржуазного мира — Шиллеру принадлежат стихи о науке (Die Wissenschaft):

Einem ist sie die hohe, die himmlische Göttin,
Dem andern eine tüchtige Kuh, die ihn mit Butter versorgt.

Для строителя нового общества наука во всяком случае не является «тучной коровой, снабжающей его маслом», а скорее «высокой, небесной богиней».

В буржуазном обществе высшее образование было уделом всех сынков господствующего класса, мостом ко «степеням известным». Тупицы и карьеристы толпились в стенах высшей школы.

Рабочий, крестьянин не мог туда проникнуть,— если в высшие учебные заведения и проникали выходцы из народа, то это были исключения, и они скоро ассимилировались окружавшей их буржуазной средой.

Пролетарская республика открывает наиболее одаренным своим сынам доступ к источникам знания, в ней оно перестанет быть привилегией и средством к их получению, в ней к высшему образованию не будут тянуться шкурники и карьеристы.

II.

Темнота наряду с материальной нуждой была бичом, угнетавшим эксплоатируемые и обездоленные массы,—не только нищета, но и духовная бедность была уделом масс в классовом обществе.

Между тем рабочие и крестьяне к светочу знания тянутся не менее жадно,

чем к подъему уровня своего благосостояния.

И не покладая рук трудится рабоче-крестьянская Россия над великим делом просвещения трудящихся, приобщения рабочих и крестьян к созданной человечеством культуре.

Преодоление невежества в массах имеет и глубокое политическое значение.

В своей речи на 8-м съезде нашей партии в марте прошлого года тов. Ленин низким культурным уровнем масс объяснял тот факт, что Советское государство не могло еще изжить бюрократизма:

«Бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы можно лишь тогда, когда все население будет участвовать в управлении», говорил т. Ленин.

Но мало того, что это написано в законе.

«Кроме закона есть культурный уровень, который никакому закону не подчинишь. Благодаря этому низкому культурному уровню

Советы, будучи в своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся, через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы.

Здесь перед нами задача, которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием. Сейчас эта задача непомерно трудна, потому что, как мне не раз случалось указывать, слой рабочих, который управляет, невероятно тонок. Мы должны получить подмогу. По всем признакам такой резерв внутри страны растет. Громадная жажда знаний и громаднейший успех образования, достигаемый чаще всего внешкольным путем,—гигантский успех образования трудящихся масс не подлежит ни малейшему сомнению. Этот успех не укладывается ни в какие школьные рамки, но он колоссален. Все признаки говорят за то, что в близком будущем мы получим громадный резерв, который займет места слишком надорвавшихся над работой представителей тонкого слоя пролетариата».

Злейший враг революции, французский премьер Клемансо, назвал как-то Советскую Россию «варварской».

Между тем, ни одно правительство в мире не делает таких усилий для борьбы с невежеством и темнотой народных масс, для насыщения их духовного голода, как Советская Россия.

Тяжелое наследство получила рабоче-крестьянская власть от самодержавия,—страну не только голодную, разоренную многолетней войной, но косневшую в невежестве, умышленно поддерживавшемся вековечным врагом народа—царизмом.

«Одно убеждение, повидимому, сложилось прочно, это убеждение, что знание есть рассадник бунтов»,—так характеризовал в своих «Признаках времени» политику самодержавия по отношению к просвещению Щедрин.

И выросшая из великого рабоче-крестьянского «бунта» власть делает все, чтобы вооружить народ великой силой—знанием.

Больше полувека тому назад, 2-го сентября 1855 г., братья Гонкуры, занимающие столь видное место в истории французского реалистического романа, занесли в свой дневник следующее замечание:

Дикость (la sauvagerie) необходима каждые 400 или 500 лет для того, чтобы влить новую жизнь в мир; мир умер бы иначе от цивилизации. Некогда в Европе, когда прежнее население привлекательных стран было в достаточной степени обескровлено, с севера врывались гиганты в 6 футов вышиной, которые возрождали расу. Теперь, когда в Европе нет больше дикарей, рабочие проделают эту работу лет через 50; это назовут социальной революцией.

Но не варварство несут с собой обновители одряхлевшего мира,—нет, они стремятся к тому, чтобы наравне с благами материальной культуры сделать и прочные духовные ценности, накопленные человечеством за тысячелетия

его истории, достоянием широких обездоленных масс.

Многие наиболее выдающиеся умы буржуазного мира сами были противниками распространения знания в народных низах.

Недавно скончавшийся знаменитый германский естествоиспытатель Эрнст Геккель, столько сделавший для популяризации эволюционной теории в применении к органической природе, писал в своей книге «Мировые загадки»:

Многие выдающиеся ученые, в том числе некоторые мои ближайшие друзья, того мнения, что эти высочайшие результаты науки надо сохранять про себя, не давать их народу, так как он может злоупотребить ими.

Мастера ученого цеха хорошо понимали, что знание — сила, и они предусмотрительно боялись дать это оружие в руки трудящегося народа, чтобы он не использовал эту силу для своего освобождения!

Только пролетарская революция превратит научное знание из монополии узкой ученой касты, цеха профессоров специалистов, в достояние широких масс.

И тем самым величайший переворот в истории человечества подымет к культурному творчеству тысячи, десятки тысяч талантов, забивавшихся капиталистической каторгой.

Столетие тому назад в своей поэме «Царице Маб» Шелли пел:

. .О, как много неведомых Мильтонов деревенских
Прошло безгласно с тайной жаждой в сердце,
Томясь среди бесчисленных забот.
Сколь многие безвестные Катоны
Энергию свою на век убили, острия
Булавки или гвоздь куя.

Всем творческим зародышам откроет отныне дорогу победившая рабочая

революция, все задатки получат возможность многогранного развития.

Полная победа коммунизма поведет к невиданному еще в истории расцвету человеческой культуры.

III.

Во всех странах мира подавляющее большинство интеллигенции стало на сторону буржуазии в разгорающейся с каждым днем все более ярким пламенем гражданской войне пролетариата против буржуазии.

Нет той клеветы, нет той лжи, которую бы не пускали в ход против рабочего класса образованные потребители создаваемой его трудом прибавочной стоимости.

Коммунизм объявлен купленными капиталом интеллигентами врагом культуры и цивилизации, разрушителем

всех духовных ценностей, накопленных человечеством.

Полезно поэтому припомнить, как относился к коммунизму один из величайших поэтов Германии, Генрих Гейне, которому Советская власть поставила памятник в Петербурге.

Правда, Гейне не в чести у официальной Германии, — по выражению известного датского литературного критика Георга Брандеса, «как на крапиву в литературном вертограде» смотрят на Гейне официальные критики, германские профессора, те, кого известный германский естествоиспытатель Дюбуа Реймонд назвал «духовной лейб-гвардией Гогенцоллернов».

Но тем больше ценит Гейне рабочий класс.

Гейне не скрывал опасений, которые он связывал с победой коммунизма. В помеченном 30 марта 1855 г. пре-

дисловии к «Лютеции», сборнику корреспонденции 1840—1843 годов для газеты «Augsburger Zeitung», Гейне пишет:

Если уже республиканцы представляли собою для корреспондента «Augsburger Zeitung» весьма щекотливый материал, то затруднение увеличивалось гораздо более, когда дело шло о социалистах, или, чтобы назвать это чудовище его настоящим именем, о коммунистах.

Однако, Гейне был справедлив к «чудовищу», хотя душа художника и ожидала всяких ужасов от торжества коммунизма.

Он пишет далее:

Признание, что будущее принадлежит коммунистам, было сделано мною самым осторожным и боязливым тоном, но—увы—этот тон отнюдь не был притворным. Действительно, только с ужасом и трепетом я думаю о времени, когда эти мрачные иконоборцы достигнут господства; своими грубыми руками они беспощадно разобьют

все мраморные статуи красоты, столь дорогие моему сердцу; они разрушат все те фантастические игрушки искусства, которые так любил поэт; они вырубят мои олеандровые рощи и станут сажать в них картофель; лилии, которые не занимались никакой пряжей и никакой работой и, однакоже, были одеты так великолепно, как царь Соломон во всем своем блеске, будут вырваны из почвы общества, разве только они захотят взять в руки веретено; роз, этих праздных невест соловьев, постигнет такая же участь; соловьи, эти бесполезные певцы, будуг прогнаны, и—увы!—из моей «Книги песен» бакалейный торговец будет делать пакеты и всыпать в них кофе или нюхательный табак для старых баб будущего.

Гейне пришлось быть современником первых ростков коммунизма, — но он понимал, что ему принадлежит будущее, и, несмотря на свои страхи, желал его победы.

Гейне продолжает:

И несмотря на это—сознаюсь откровенно—этот самый коммунизм, до такой степени

враждебный моим склонностям и интересам, производит на мою душу чарующее впечатление, от которого я не могу освободиться, два голоса говорят в его пользу в моей груди, два голоса, которые не хотят замолчать, которые, может быть, в сущности, суть не что иное, как подстрекательства дьявола... но как бы то ни было, они овладели мною, и никакие заклинания не могут одолеть их.

Потому что первый из этих голосов — голос логики. «Дьявол—логик», говорит Дант. Страшный силлогизм держит меня в своих волшебных цепях, и, не будучи в состоянии опровергнуть положения, что «все люди имеют право есть», я принужден покориться и всем выводам из него. Думая об этом, я рискую сойти с ума, я вижу, как все демоны истины с триумфом пляшут вокруг меня, и, наконец, великодушное отчаяние овладевает моим сердцем, и я восклицаю: обвинительный приговор давно произнесен над этим старым обществом. Да свершится правосудие, да разобьется этот старый мир, в котором невинность погибла, эгоизм благоденствовал, человека эксплоатировал человек. Да будут разрушены до основания эти мавзолеи, в которых господ-

ствовали ложь и неправда, и да благословен будет торговец, который станет некогда изготовлять из моих стихов пакеты и всыпать в них кофе и табак для бедных честных старух, которые в нашем теперешнем, неправедном мире, может быть, должны были отказывать себе в таких удовольствиях...

Далее Гейне говорит о своей борьбе с патриотами и националистами, которых победит коммунизм:

Я всю жизнь ненавидел и сражался с ними, и теперь, когда меч выпадает из рук умирающего, я утешен убеждениями, что коммунизм, которому они первые попадутся на дороге, нанесет им последний удар, и, конечно, не палицей пришибет их гигант, а раздавит ногой, как давят гадину. Это будет его дебютом.

И Гейне противопоставляет строителей будущего—коммунистов—защитникам старины—патриотам:

Они, по крайней мере, не лицемеры, у которых на языке постоянно религия и христианство; коммунисты, правда, не имеют религии (полного совершенства нет ни в од-

ном человеке), они даже атеисты (что, несомненно, большой грех), но главным догматом своим они признают самый неограниченный космополитизм, всемирную любовь ко всем народам, братские отношения между всеми людьми, свободными гражданами земли...

А еще в 1843 году Гейне в своем письме из Парижа указывал, что, в противоположность коммунистам, борющимся за великий идеал, старое общество утратило всякую веру в себя.

Гейне указывает:

Какое неисчислимо благоприятное для коммунизма обстоятельство заключается в том, что враг, с которым он борется, несмотря на все свое могущество, не имеет в себе никакого нравственного устоя. Нынешнее общество защищается только вследствие простой необходимости, без веры в свое право, даже без самоуважения, совершенно так, как защищалось то старое общество, гнилые балки которого обрушились, когда пришло время.

А в своей чудной зимней сказке «Германия» Гейне в прекрасных

стихах формулирует идеалы коммунистов:

Ein neues Lied, ein besseres Lied,
O Freunde, will ich euch dichten:
Wir wollen hier auf Erden schon
Das Himmelreich errichten.
Wir wollen auf Erden glücklich sein,
Und wollen nicht mehr darben;
Verschlemmen soll nicht der faule Bauch,
Was fleissige Hände erwarben—
Es wächst hinieden Brod genug
Für alle Menschenkinder,
Und Rosen, und Myrten, Schönheit und Lust,
Und Zuckererbsen nicht minder.

(Друзья, я хочу научить вас новой лучшей песне. — Мы здесь уже на земле хотим устроить небесное царство. Мы хотим быть счастливыми на земле и не хотим больше бедствовать.—Ленивый желудок не должен больше проглатывать того, что приобрели прилежные руки. Здесь внизу растет достаточно хлеба для всех детей человеческих и роз и мирт, красоты и радости и даже сахарного горошку).

Так великий поэт понял неминуемость краха капитализма и неизбежность победы коммунизма.

Мало в наши дни «аристократов духа», которые уразумели бы историческую необходимость победы пролетариата и стали бы на его сторону,— это «белые вороны»—Тимирязев, Горький в России, Барбюс, Ромэн Роллан во Франции—единицы, еще меньше их было в прошлом.

Но тем большая заслуга того, кто провидел наступление новой исторической эры и кто приветствовал ее торжество!

IV.

Пролетариат экспроприировал у буржуазии награбленные ею материальные богатства, но он хочет сделать общенародным достоянием и все, что является прочным завоеванием чело-

вечества в созданной господствующими классами духовной культуре.

«Знание—сила», «scientia est potentia»,—говорил один из ф̆илософ̆ов буржуазии, английский мыслитель Бэкон.

И, овладевая этой силой, пролетариат становится непобедимым.

Необходимо отметить, что размах культурно-просветительного творчества рабоче-крестьянской власти не отрицается и ее врагами. Один из героев раскрытого недавно в Петербурге белогвардейского заговора, английский шпион Павел Дюке, фабриковавший контр-революционные правительства, являлся в то же время информатором английской буржуазии о русских делах.

В органе лорда Нордклиффа, лондонском «Таймсе», от 11 ноября, помещена была его статья о положении дел в Советской России.

Как и следовало ожидать, статья полна самой злобной клеветы на рабоче-крестьянскую революцию. Дюке говорит об ужасах «террора» чрезвычаек, о насильственном введении коммуны в деревне и т. д., о преследовании церкви.

Но и Дюке усматривает «светлый луч в темном царстве»,—это культурная работа Советской власти, ее деятельность на ниве народного просвещения.

Тут Дюке отдает должное коммунистам.

«В деле просвещения большевиками достигнуты результаты, которые должны остаться в истории. В этом отношении много хорошего сделал Луначарский.

«Реформы в области просвещения—это самое лучшее и многообещающее из всех мероприятий большевиков. И хотя уничтожение всякой отчетности

и экзаменов в школах сильно понизило степень развития учащихся и их морали, а замена в среде учителей всех некоммунистов коммунистами (?), наряду с введением комитетов учащих, развила хаос в школах до максимума, все же положительные стороны нововведений бесспорно перевешивают. Система бесплатных вечерних школ и курсов сделала очень многое среди рабочих, и можно с уверенностью сказать, что в случае низвержения власти большевиков рабочие не откажутся от привилегии посещать эти даровые классы».

Дюке останавливается на том факте, что Советская власть—власть рабочих и крестьян—сделала искусство достоянием масс.

«Надо отдать должное Советской власти: великое благо создано тем, что бедное население может также

пользоваться театрами, концертами и операми».

Агент Антанты говорит затем о том, что̀ Советская власть делает для детей, нашей надежды, нашего будущего.

«Забота государства о воспитании детей уже с самого начала завоевала признательность многочисленных родителей; крайне желательно, чтоб дворцы и особняки богачей, сейчас отданные под детские колонии, и впредь остались за детьми».

Коммунистам частенько приходится критиковать деятельность Компроса за то, что его работа недостаточно проникнута духом коммунизма, что слишком еще большую силу имеют там представители враждебных нам мелкобуржуазных течений.

Но наша критика не должна, конечно, заслонять в сознании масс

значения той работы Советской власти в области народного просвещения, перед величием которой вынуждены склониться и наши враги.

Цена 12 руб.

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 1966

Первая Государств. Типогр., Гатчинская, 26.